

Ю. В. Тетерин

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

dinlin@ngs.ru

РУКОЯТИ ПЛЕТЕЙ КОЧЕВНИКОВ ХУННСКОГО ВРЕМЕНИ ЮЖНОЙ СИБИРИ *

Статья посвящена классификации, хронологии и определению функционального назначения костяных трубочек хунно-сарматской эпохи Южной Сибири. Ареал их распространения охватывает территорию Забайкалья, Тывы, Горного Алтая, Минусинской котловины и Верхнего Приобья. Они изготовлены из трубчатых костей животных и имеют форму полого цилиндра. Классификация всей коллекции подобных предметов позволила разделить их на три группы: гладкие, граненые, орнаментированные. В Забайкалье они встречаются в хуннских памятниках I в. до н. э – I в. н. э. В Минусинской котловине – в тесинских и таштыкских грунтовых могилах I в. до н. э – IV в. н. э. В Горном Алтае и Тыве подобные артефакты обнаружены в памятниках II–VI вв. н. э. Простота и универсальность формы обеспечила им широкие территориальные и хронологические рамки бытования. Наиболее дискуссионным является вопрос о назначении костяных трубочек. Анализ месторасположения данных изделий в погребальных комплексах позволяет сделать вывод, что они являлись рукоятями плетей.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Минусинская котловина, Алтай, Тыва, хуннское время, костяные трубочки, хронология, рукоятки плетей.

В археологических культурах кочевников Сибири известны предметы, назначение которых точно не определено. К их числу относятся костяные трубочки, встречающиеся во многих памятниках хуннского времени Южной Сибири. О назначении и способах использования этих вещей исследователи высказывали различные точки зрения. Находки определялись как игольники, мундштуки для бурдюков, наконечники, рукоятки, предметы неизвестного назначения. Картографирование, типологические и хронологические аспекты бытования данной категории археологических источников также никогда не рассматривались в археологической литературе. Анализ указанных вопросов актуален для изучения материальной

культуры и этнокультурной истории народов Южной Сибири. Цель настоящей статьи состоит в определении территории распространения, разработки классификации, хронологии и выяснении функционального назначения костяных трубочек хуннской эпохи Южной Сибири.

Ареал находок подобных предметов охватывает всю Южную и часть Западной Сибири. Наиболее представительная серия костяных трубочек происходит из памятников хуннской эпохи Забайкалья и Тывы. В памятниках хунну Забайкалья по опубликованным материалам учтено 24 экз. Восемь подобных изделий найдено в Иволгинском могильнике (рис. 1, Забайкалье, 1–8) и еще шесть – на Иволгинском городище (рис. 1,

* Исследование проведено в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 2718).

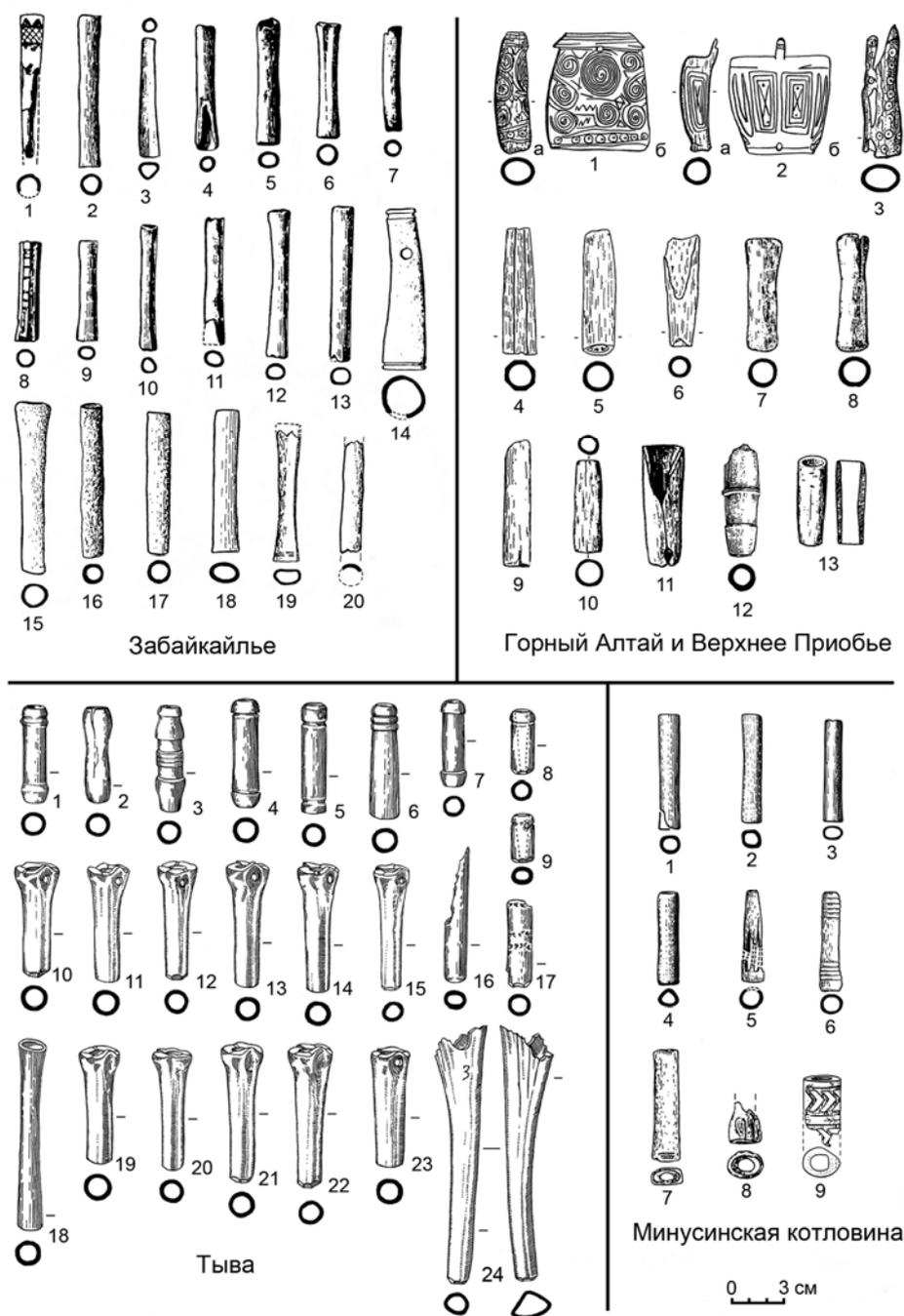

Рис. 1. Рукояти плевей Забайкалья и Южной Сибири.

Забайкалье: 1–8 – Иволгинский могильник (по: [Давыдова, 1996. Табл. 13, 13; 63, 6; 58, 10, 41, 20; 34, 15; 20, 10; 34, 16; 23, 15]); 9–14 – Иволгинское городище (по: [Давыдова, 1995. Табл. 121, 13; 140, 13; 122, 14; 11, 7; 120, 6; 106, 3;]); 15–20 – Дырестуйский могильник (по: [Миняев, 1998. Табл. 108, 16; 7, 31; 102, 2; 57, 11; 39, 1; 89, 20;]) (1–14, 16–20 – кость; 15 – железо)

Тыва: 1–24 – Кокэль (по: [Дьяконова, 1970. Табл. XIII])

Горный Алтай и Верхнее Приобье: 1–3 – Белый Бом II (по: [Глоба, 1983. Табл. V, 6; VI, 1–2]); 4–6 – Верх-Уймон (по: [Соенов, Эбель, 1992. Рис. 32, 3; 39, 9; 42, 14]); 7–8 – Тыткескен (по: [Кирюшин и др., 1992. Рис. 3, 13, 14]); 9 – Берель (по: [Сорокин, 1969. Рис. 22, 10]); 10 – Катанда 3 (по: [Мамадаков, 1985. Рис. 22, 10]); 11 – Айрыдаш I, 12 – Кок-Паш (по: [Бобров и др., 2003. Рис. 26, 16; 18, 9]); 13 – Ближние Елбаны III (по: [Грязнов 1956. Табл. XLV, 8]) (1–3, 12 – без масштаба, 16, 26 – развертки)

Минусинская котловина: 1–3 – Каменка III (рис. М. Н. Пшеницыной); 4 – Барсучиха I, впускное погребение (по: [Пшеницына, 1975, Рис. 3, 2]); 5 – Черное Озеро I, 6 – Есино III (по: [Савинов, 2009. Рис. 9, 1, 2]); 7, 8 – Комаркова-Песчаная (по: [Вадецкая, 1999. Рис. 27, 9, 12]); 9 – Копи (по: [Кызласов 1960. Рис. 36, 1])

Рис. 2 (фото). Костяные рукояти плетей из могильника Дялян, Горный Алтай (фото автора)

Забайкалье, 9–14). Шесть предметов обнаружено в Дырестуйском могильнике, один из них изготовлен из железа (рис. 1, Забайкалье, 15–20). Не менее четырех трубочек и их фрагментов найдено в могильниках Ильмовая и Черемуховая падь [Коновалов, 1976. Табл. VIII, 7–10]. В Тыве коллекция костяных трубочек насчитывает 24 экз. Все они происходят из могильника Кокэль (рис. 1, Тыва, 1–24). В опубликованных материалах других раскопанных памятников хуннской эпохи Тывы сведений о подобных находках нет.

Еще одним регионом Южной Сибири, где рассматриваемые артефакты получили широкое распространение, является Горный Алтай. Всего по публикациям учтено 18 экз. Три подобных изделия найдены в могильнике Белый Бом II (рис. 1, Горный Алтай, 1–3) и еще три – в могильнике Верх-Уймон (рис. 1, Горный Алтай, 4–6). Две трубочки были в могильнике Тыткескен (рис. 1, Горный Алтай, 7, 8). Такие же предметы встречены в могильниках Берель, Катанда-3, Айрыдаш I, Кок-Паш (рис. 1, Горный Алтай, 9–12). Шесть трубочек найдено в могильнике Дялян (раскопки автора; рис. 2). Ареал бытования рассматриваемой категории археологических находок распространяется и на территорию Верхнего Приобья. Одна из них обнаружена в могильнике Ближние Елбаны III (рис. 1, Верхнее Приобье, 13).

Менее представительна коллекция костяных трубочек Минусинской котловины, которая насчитывает 9 экз. Все они найдены в тесинских и таштыкских грунтовых могилах. Тесинская серия представлена тремя экземплярами из могильника Каменка III (рис. 1, Минусинская котловина, 1–3) и по одному – из могильников Барсучиха I, Черное Озеро I, Есино III (рис. 1, Минусинская котловина, 4–6). Три трубочки обнаружены в таштыкских грунтовых могилах: одна целая и фрагмент другой в могильнике Комарково-Песчаная (рис. 1, Минусинская котловина, 7–8) и еще одна (обломанная) из могильника Копи (рис. 1, Минусинская котловина, 9).

Все изделия, которые удалось осмотреть, изготовлены из трубчатых костей животных. Возможно, имеются и роговые экземпляры, но, чтобы утвердительно ответить на этот вопрос, необходимо дополнительное изучение всех известных находок. Трубочки имеют форму полого гладкого или орнаментированного цилиндра. Длина их варьирует от 5 до 9 см, диаметр от 1 до 2,5 см. Но короткие и длинные экземпляры встречаются редко, длина большинства из них 6–7 см, диаметр около 1,5 см. Отдельные предметы имеют правильную цилиндрическую форму, некоторые слегка изогнуты. Достаточно часто встречаются экземпляры с одним или обоими расширенными концами. Выделяет-

ся серия трубочек с одним расширенным концом, насчитывающая 12 экз., из тывинского могильника Кокэль (рис. 1, Тыва, 10–15, 19–24). Все описанные вариации их внешнего вида не были результатом целенаправленных действий производителей, а зависели от формы заготовки, из которой делался каждый отдельный предмет.

С формально-типологической точки зрения всю известную серию костяных трубочек по способу оформления поверхности можно разделить на три группы: гладкие, граненые, орнаментированные. К первой относится большинство известных предметов. Они имеют гладкую, хорошо заполированную поверхность (см. рис. 1, Забайкалье, 2–7, 9–13, 15–20; Тыва, 2, 10–16, 18–24; Горный Алтай, 5–11, 13; Минусинская котловина, 1–5, 7; 2). Один экземпляр из горно-алтайского могильника Дялян имеет сквозное, овальное отверстие размерами 1 × 3,5 см, другой – маленькое круглое отверстие на одном из расширенных концов (см. рис. 2, 1, 5). Такие же отверстия фиксируются еще на 7 экз. из могильника Кокэль (см. рис. 1, Тыва, 10–15, 23).

Вторая группа представлена двумя гранеными трубочками. Одна из них найдена в Иволгинском могильнике, другая – в могильнике Верх-Уймон в Горном Алтае (см. рис. 1, Забайкалье, 8; Горный Алтай, 4).

Третья группа объединяет орнаментированные трубочки. Представлена двумя вариантами. К первому относятся предметы, украшенные орнаментом, выполненным тонкими резными линиями. На каждом изделии он индивидуален. Так, один из концов обломанного экземпляра из Иволгинского могильника украшен косой сеточкой (см. рис. 1, Забайкалье, 1). Три декорированных экземпляра найдены в горно-алтайском могильнике Белый Бом II. Один из них украшен чередующимися спиралями. На расширенном конце нанесен ряд кружков с точкой в центре. Другой, зауженный, конец оформлен трапециевидным валиком, украшенным прямыми резными линиями (см. рис. 1, Горный Алтай, 1, а, б). Второй экземпляр украшен орнаментом из вписанных друг в друга прямоугольников, в центре которых находятся крестообразные линии. На расширенном конце выступает небольшой шпенек (см. рис. 1, Горный Алтай, 2, а, б). Поверхность третьего обломанного экземпляра покрыта рядами кружков с точкой в центре

(см. рис. 1, Горный Алтай, 3). На обломке трубочки из таштыкского могильника Комаркова сохранилось изображение фигуры каплевидной формы (см. рис. 1, Минусинская котловина, 8). Еще один экземпляр из таштыкского могильника Копи украшен двумя рядами вписанных друг в друга уголков, разделенных резным желобком (см. рис. 1, Минусинская котловина, 9). Второй вариант представлен изделиями, концы которых оформлены резными рельефными валиками. Так, один из них, из Иволгинского городища, имеет два валика и на зауженном конце сквозное круглое отверстие диаметром 0,5 см (см. рис. 1, Забайкалье, 14). Внешняя поверхность другого предмета из горно-алтайского могильника Кок-Паш разделена широким резным желобом, края которого ограничены двумя симметрично расположенными рельефными валиками (см. рис. 1, Горный Алтай, 12). Трубочка из тесинского могильника Есино III имеет на концах по четыре валика (см. рис. 1, Минусинская котловина, 6).

Вопросы хронологии данной категории археологических источников также никогда не были предметом специального исследования. Нижняя хронологическая граница бытования костяных трубочек определяется их находками в хуннских и тесинских памятниках Забайкалья и Минусинской котловины. Традиционная датировка хуннских древностей Забайкалья II в. до н. э. – I в. н. э. основана прежде всего на сведениях письменной истории хунну. В последнее время она обоснованно корректируется в сторону омоложения. Так, по мнению С. С. Миняева, сопоставившего письменные и археологические источники, памятники хунну Забайкалья и Северной Монголии не могут быть датированы ранее конца II в. до н. э. Для большинства из них, в том числе Ильмовой и Черемуховой пади, Дырестуйского, Иволгинского могильников и Иволгинского городища, наиболее вероятна дата I в. до н. э. [1998. С. 71–78]. Сведений о подобных изделиях в памятниках первой половины I тыс. н. э. Забайкалья не имеется.

Датировка тесинских грунтовых могильников Минусинской котловины в основном опирается на хронологию погребальных памятников хунну. Поэтому вслед за омоложением хуннских памятников произошло омоложение памятников тесинского этапа. В настоящее время большинство археоло-

гов, изучающих хунно-сарматскую эпоху Минусинской котловины, датируют тесинские грунтовые могильники в пределах I в. до н. э. – I–III вв. н. э. [Пшеницына, 1992. С. 234; Вадецкая, 1999. С. 164–174; Савинов, 2009. С. 80; Кузьмин, 2011. С. 218]. На этой территории костяные трубочки продолжали использоваться и в раннеташтыкское время. Об этом свидетельствуют находки обломков и целых изделий в грунтовых таштыкских могилах. Датировка раннеташтыкского, или батеневского, этапа таштыкской культуры определяется по-разному, но в пределах I в. до н. э. – IV в. н. э. [Кызласов, 1960. С. 115; Грязнов, 1979. С. 5; Вадецкая, 1999. С. 65–75; Кузьмин, 2011. С. 218]. В таштыкских склепах, которые относятся к позднему, или тепсейскому, этапу (IV–VI вв. н. э.), подобные предметы пока не обнаружены. Возможно, это связано с тем, что в склепах практически перестали помещать настоящие полномасштабные вещи, которые заменялись символическими копиями.

В Тыве все известные костяные трубочки происходят из могильника Кокэль. Проблемы хронологии этого памятника привлекали внимание многих археологов. По мнению С. И. Вайнштейна и В. П. Дьяконовой, могильник Кокэль состоит из разновременных могил, самые ранние датируются II–I вв. до н. э., самые поздние – V в. н. э. [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, С. 251; Дьяконова, 1970, С. 195, 209]. Позже, Д. Г. Савинов предложил ограничить датировку этого комплекса серединой II – III в. н. э. [1992. С. 109]. Н. Н. Николаев обосновывает более позднюю хронологию данного некрополя и датирует его рубежом III–IV вв. н. э. [2001. С. 24–25].

Наименее разработана хронология и периодизация памятников хунно-сарматского времени Горного Алтая. Датировки определяются, как правило, в широких хронологических рамках и могут неоднократно меняться и уточняться. Сегодня можно определенно утверждать, что в большинстве погребальных памятников, которые датируются рубежом эр (Усть-Эдиган, Сары-Бел, Яломан II), костяных трубочек не обнаружено. Возможно, к этому же хронологическому периоду относится и могильник Белый Бом II, в котором найдены три орнаментированных изделия (см. рис. 1, Горный Алтай, 1–3). Исследователь данного памят-

ника Г. Д. Глоба датировала его широкими хронологическими рамками в пределах II в. до н. э. – III–V вв. н. э. [1983. С. 116–126]. По ее мнению, опубликованные материалы не позволяют однозначно определить хронологию данного памятника. На наш взгляд, ранняя дата, в пределах I в. до н. э. – I в. н. э., вполне вероятна.

Все остальные горно-алтайские трубочки найдены в памятниках первой половины I тыс. н. э. Курганы могильника Верх-Уймон, раскопанные В. И. Соеновым и А. В. Эбелем, распределяются на три хронологические группы: ранняя I–II вв. н. э., средняя II–III вв. н. э., поздняя III–V вв. н. э. [1992. С. 57]. Трубочки найдены в курганах ранней и средней групп. По нашему мнению, материалы, представленные в публикации, не дают оснований для столь «растянутой» хронологии данного памятника. Могильник Верх-Уймон, вероятно, относится к завершающему этапу хунно-сарматской эпохи Горного Алтая и датируется в пределах IV–VI вв. н. э. Могильник Тыткескень VI Ю. Ф. Кирюшиным и С. В. Неверовым первоначально был отнесен к I – II–III вв. н. э., а затем передатирован II–IV вв. н. э. [Кирюшин и др., 1992. С. 129]. А. С. Суразаков, раскопавший могильник Айрыдаш I, определил время его существования «в пределах первой половины I тыс. н. э., скорее всего ближе к его середине» [1990. С. 199]. Материалы этого памятника не опубликованы. Могильник Кок-Паш первоначально датировался авторами раскопок А. С. Васютиным и В. Н. Елиным III–V вв. н. э. В последнем монографическом издании материалов этого памятника его датировка уточняется в пределах IV–VI вв. н. э. [Бобров и др., 2003. С. 38]. Курганы, исследованные В. В. Радловым в середине XIX в. на могильнике Берель, также относятся к завершающему этапу хунно-сарматской эпохи и датируются в пределах IV–V вв. н. э. [Гаврилова, 1965. С. 57; Сорокин, 1969. С. 235]. К этому же хронологическому периоду относится и могильник Дялян, раскопанный автором статьи [Тетерин, 1991. С. 157].

Приведенные датировки памятников дают основания считать, что в Тыве и Горном Алтае наибольшее распространение подобные предметы получили в первой половине I тыс. н. э.

В целом же анализ хронологии погребальных комплексов позволяет сделать вы-

вод, что в Южной Сибири костяные трубочки использовались на протяжении всей хунно-сарматской эпохи.

Наиболее дискуссионным является вопрос о назначении данных артефактов. В большинстве публикаций они определяются как трубочки-игольники, хотя подобный способ их использования ничем не доказан. Для того чтобы прояснить данный вопрос, необходимо проанализировать условия нахождения и место расположения этих предметов в погребениях.

В Иволгинском могильнике обнаружено восемь подобных изделий. Четыре из них найдены в разграбленных могилах среди разбросанных костей скелетов (в двух случаях пол погребенных определен как женский, в двух других – не уточнен), одно – в мужской могиле рядом с головкой бедренной кости, одно – на правом плече женского скелета, одно – у верхних эпифизов берцовых костей (пол погребенного не установлен). В Дырестуйском могильнике обнаружено 6 таких предметов. Три из них найдены в женских захоронениях (рядом с бедренной костью, на тазовых костях, в заполнении), три – в мужских (ниже правого предплечья, у правого подреберья, в заполнении). Таким образом, подобные предметы в хуннских памятниках Забайкалья встречаются как в мужских, так и в женских погребениях. Они располагались с правой стороны, от плеча до бедренных костей или на поясе покойных. А. В. Давыдова называет их трубочками-игольниками, отмечая в то же время, что это условное наименование и назначение их неясно [1995. С. 19]. По мнению С. С. Миняева, костяные трубочки являются мундштуками для кожаных бурдюков [1998. С. 33]. Однако каких-либо доказательств в пользу данного предположения приведено не было.

В тесинских могильниках Минусинской котловины костяные трубочки также обнаружены как в женских, так и в мужских погребениях. В могильнике Барсучиха I подобное изделие найдено в женском погребении, у стенки каменного ящика, в могильнике Есино III – у правого локтя женского скелета, в могильнике Черное Озеро I – на правой тазовой кости мужского скелета. Материалы могильника Каменка III не опубликованы. Д. Г. Савинов называет эти предметы трубочками-игольниками, но со знаком вопроса [2009. С. 67].

В таштыкском могильнике Комаркова одна трубочка находилась между бедрами женского скелета, вторая – у правой голени покойного, пол которого не установлен. По мнению Э. Б. Вадецкой, данные предметы являлись наконечниками. «Сквозь трубочку продевали тоненькую косичку, сплетенную на темени, и ее определенным образом обматывали накладными волосами, создавая большой узел» [1999. С. 59, 273, 275]. На наш взгляд, подобная интерпретация использования костяных трубочек, ничем не подтверждена. Во-первых, они найдены не только в женских, но и в мужских захоронениях. Во-вторых, такому способу использования противоречит расположение трубочек в таштыкских и тесинских могилах. Все они найдены в районе пояса или рук погребенных и к прическе никакого отношения не имеют.

В горно-алтайском могильнике Дялян четыре трубочки обнаружены в мужских погребениях, одна – в женском. Они находились в районе пояса (на правой тазовой кости, под правой локтевой костью, в двух случаях рядом с правой и левой кистями погребенного). Один такой предмет найден на позвонках сопроводительного конского захоронения. Аналогичная ситуация фиксировалась на могильнике Верх-Уймон. Из трех изделий два найдены в мужских захоронениях, одно – в женском. Они также располагались в районе поясов погребенных (под левой локтевой костью, рядом с правой и левой кистями). Отметим, что в могильниках Дялян и Верх-Уймон мужские и некоторые женские погребения сопровождалось конскими захоронениями.

Результаты анализа заставляют усомниться в использовании костяных трубочек в качестве игольников. Игольники традиционно считаются принадлежностью женского костюма. Но они встречаются как в женских, так и в мужских погребениях. Однако самый главный довод против подобной интерпретации заключается в том, что ни в одном подобном изделии, найденном в непотревоженных могилах на территории Южной Сибири, не обнаружено ни одной иглы.

По нашему мнению, наиболее точно назначение костяных трубочек определил А. С. Суразаков, который назвал их костяными трубочатыми рукоятками нагаек, но какой-либо развернутой аргументации в пользу своей версии не привел [1990. С. 199]. Плетки

или нагайки, как известно, являлись универсальным инструментом для управления конем со времени освоения верховой езды. Устройство плеток, в которых трубочка использовалась в качестве рукояти, можно реконструировать следующим образом. В отверстие продевался кожаный ремень, который фиксировался с обеих сторон завязанными узлами или какими-то иными способами. Средние размеры изделий (6–7 см) соответствуют размерам ладони взрослого мужчины. Экземпляры меньших размеров предназначались, вероятно, для женщин и подростков. Узлы на концах трубочек служили естественными ограничителями, позволявшими более надежно и удобно держать плетку в руке. Отверстия на концах отдельных экземпляров также могли служить для дополнительного крепления ремня или украшения рукояти. Наличие плеток в женских погребениях вполне объяснимо, поскольку в кочевом обществе все его члены – мужчины, женщины и дети, были всадниками, а плети, служившие для управления лошастью, являлись необходимым элементом их экипировки. Плетки в Древности, Средневековье и в этнографическое время у степных народов служили также знаком власти или высокого социального положения.

Подтверждение предложенной интерпретации имеется в материалах хуннских памятников Забайкалья. В Дырестуйском могильнике раскопано захоронение пожилой женщины с богатым набором бронзовых украшений, которая, по мнению А. В. Давыдовой и С. С. Миняева, обладала «особым социальным статусом». На кожаном поясе покойной наряду с бронзовыми кольцами, бляшками и колокольчиками была «подвешена плетка, от которой сохранилась цилиндрической формы железная рукоятка; на ее верхнем срезе лежали плоская бусина из белого камня и две монеты «у-шу» [1988. С. 231]. Железная рукоятка данного предмета имеет полное сходство с костяными трубочками, найденными в этом же могильнике (см. рис. 1, Забайкалье, 16–18).

Судя по расположению трубочек в погребениях, плети помещались чаще всего за поясом покойного или рядом с ним с правой стороны. В одном из погребений горно-алтайского могильника Дялян плетка была, вероятно, прикреплена к седлу коня, сопровождавшего покойного. Можно предполо-

жить, что рядовыми кочевниками, помимо костяных и железных изделий, использовались плетенные из кожи и деревянные рукояти, которые в погребениях не сохранялись.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что костяные трубочки, найденные в памятниках хунно-сарматского времени Южной Сибири, использовались как рукояти плетей или нагаек в экипировке всадников. Простота и универсальность формы этих предметов обеспечила им широкие территориальные и хронологические рамки бытования.

Список литературы

Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н. э. – первых веков н. э. // ТТКАЭЭ. М.; Л.: Наука, 1966. Т. 2. С. 185–291.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 145 с.

Глоба Г. Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 116–126.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. М., 1956. № 48. 163 с.

Грязнов М. П. Введение // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 3–6.

Давыдова А. В., Миняев С. С. Пояс с бронзовыми бляшками из Дырестуйского могильника // СА. 1988. № 4. С. 230–233.

Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Вып. 1. Иволгинское городище. Археологические памятники сунну. СПб.: АзиатИКА, 1995. Т. 1. 283 с.

Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // ТТКАЭЭ. Л.: Наука, 1970. Т. 3: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. С. 80–209.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Мамадаков Ю. Т. Некоторые результаты археологи-

ческих исследований памятника Тыткескень VI на Средней Катуні // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 125–130.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 248 с.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.

Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины (I в. до н. э. – V в. н. э.). М.: Изд-во МГУ, 1960. 198 с.

Мамадаков Ю. Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 173–191.

Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб.: Европейский дом, 1998. 118 с.

Николаев Н. Н. Культура населения Тувы первой половины I-го тысячелетия н. э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 26 с.

Пшеницына М. Н. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 150–162.

Пшеницына М. Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в гунно-

сарматское время. Серия: Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 224–235.

Савинов Д. Г. Некоторые аспекты реконструкции материалов могильника Кокэль // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Тез. конференции. Омск, 1992. Ч. 2. С. 107–109.

Савинов Д. Г. Минусинская провинция хунну. СПб.: ЭлекСис, 2009. 226 с.

Соенов В. И., Эбель А. В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск, 1992. 117 с.

Сорокин С. С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.). // Труды Государственного Эрмитажа. Культура и искусство народов Востока. Л.: Сов. художник, 1969. Т. 10. С. 208–237.

Суразаков А. С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катуні: Сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, 1990. С. 197–200.

Тетерин Ю. В. Могильник Дялян – новый памятник предтюрокского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 155–157.

Материал поступил в редколлегию 14.01.2016

Yu. V. Teterin

*Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

dinlin@ngs.ru

LASH (SCOURGE) HANDLES USED BY NOMADS OF HUNNO-SARMATIAN EPOCH IN SOUTHERN SIBERIA

Purpose. Among archaeological antiquities in Siberia there are some categories of objects whose exact purpose is unknown. These include bone tubes found in archaeological sites of the Hunno-Sarmatian time in Southern Siberia and Transbaikalia. This category of archaeological sources has long been known, but they have not been mapped, classified or dated, and their purpose and methods of use have not been studied yet. We provided a system analysis of data sources relevant for the socio-economic and ethno-cultural history of the peoples of Southern Siberia.

Results. The area of distribution of the bone tubes studied covers the territory of Transbaikalia, Minusinsk hollow, Tuva and the Altai Mountains (Gorny Altai). The largest number of such tubes was found on the sites of the Hunnu culture in Transbaikalia – 24 copies, and the Kokel culture of Tuva – 24 copies. They were also sufficiently represented on the sites of the Berel culture of the Altai Mountains (Gorny Altai) – 18 copies. A series of similar objects from Tes and Tashtyk ground graves in Minusinsk hollow numbers 9 copies. The bone tubes have the form of a hollow, smooth or ornamented cylinder. All bone tubes from the collection can be divided into three types – smooth,

cut, and ornamented. The bone tubes have a broad chronological range. In Transbaikalia, they were used in the 1st BC – 2nd AD during the rule of the nomadic Hun Empire in the steppes of Central Asia. They appeared in Tes monuments in Minusinsk hollow during the same period. In this area, they continued to be used during Tashtyk time up to the 4th AD. In Tuva and the Altai Mountains (Gorny Altai) bone tubes were found on the sites of the first half of the 1st millennium AD. Our analysis of the chronology of the sites suggests that the bone tubes found were used in Southern Siberia throughout the Hunno-Sarmatian period. Archaeologists differed in their opinions about the purpose and methods of using such bone tubes. In their publications, the tubes were called tubes (tubules)-needlecases, mouthpieces for wineskins, bone nakosniks, bone (horn) hilts, objects of unknown purpose or just bone tubes. The most popular interpretation was that the tubes were used as needlecases. However, all the tubes found in Southern Siberia and Trans-Baikal region did not contain any needles. According to our investigation based on the conditions and location of the finds in graves, the tubes seem to have been used as bone handles for lashes.

Conclusion. Lashes (scourge) and whips to control horses were a necessary element among gear riders. In nomadic societies, lashes were used by both adults (men and women) and children. A simple and universal form of the bone stick whips speak on the wide territorial and chronological framework of their distribution.

Keywords: Southern Siberia, Transbaikalia (Transbaikal, Trans-Baikal), Minusinsk hollow, Altai, Hunnish time, bone tubes, chronology, lashes (scourges).

References

Bobrov V. V., Vasyutin A. S., Vasyutin S. A. *Vostochnyi Altai v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Eastern Altai in the era of the Great Migration]*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ. 1979, p. 224. (in Russ.)

Davydova A. V. *Ivolginskii arkheologicheskii kompleks. Tom 1. Ivolginskoe gorodishche [The Ivolga archaeological complex. Vol. 1. The Ivolga fortress]*. St.-Petersburg, AziatIKA Publ., 1995, 283 p. (in Russ.)

Davydova A. V. *Ivolginskii arkheologicheskii kompleks. Tom 2. Ivolginskii mogil'nik [The Ivolga archaeological complex. Vol. 2. The Ivolga cemetery]*. St.-Petersburg, AziatIKA Publ., 1996, 176 p. (in Russ.)

Davydova A. V., Minyaev S. S. *Poyas s bronzovymi blyashkami iz Dyrestuiskogo mogil'nika [Belt with bronze plaques from Dyrestui burial]*. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*. 1988, iss. 4, p. 230–233. (in Russ.)

D'yakonova V. P. *Bol'shie kurgany-kladbishcha na mogil'nike Kokel' [Large mounds-burial on cemetery Kokel (the results of excavations 1963, 1965)]*. *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii. Tom 3 [Proceedings of the Tuva complex archaeological and ethnographic expedition. Vol. 3]*. Leningrad, Nauka, 1970, p. 80–209. (in Russ.)

Gavrilova A. A. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen [The burial ground Kudyrge as the source on history of the Altai tribes]*. Moscow, Lenongrad, Nauka, 1965, 145 p. (in Russ.)

Globa G. D. *Raskopki kurgannogo mogil'nika Belyi Bom II [Excavations burial mound White Bom II]*. *Arkheologicheskie issledovaniya v Gornom Altae v 1980–1982 gg. [Archaeological research in the Altai Mountains in the years 1980–1982]*. Gorno-Altai, 1983, p. 116–126. (in Russ.)

Gryaznov M. P. *Istoriya drevnikh plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [The history of the ancient tribes of the Upper Ob from excavations near the village Bol'shaya Rechka]*. *Materialy i issledovaniya po arkheologii [Materials and researches on archaeology]*. Moscow, Nauka, 1956, no. 48, 163 p. (in Russ.)

Gryaznov M. P. *Vvedenie [Introduction]*. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsei [Complex archaeological Objects at Mount Tepsei on the Yenisei]*. Novosibirsk, Nauka, 1979, p. 3–6. (in Russ.)

Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A., Mamadakov Yu. T. *Nekotorye rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy pamyatnika Tytkesken' VI na srednei Katuni [Some results of the study cemetery Tytkesken on the Middle Katun]*. *Voprosy arkheologii Altaya i Zapadnoi Sibiri epokhi metalla*

[*Questions archaeology of the Altai and Western Siberia Metal Age*]. Barnaul, 1992, p. 125–130 (in Russ.)

Konovalov P. B. *Khunnu v Zabaikal'e (Pogrebal'nye pamyatniki)* [*Hun in the Transbaikal (Funerary Monuments)*]. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1976, 248 p. (in Russ.)

Kuz'min N. Yu. *Pogrebal'nye pamyatniki khunnu-sarmatskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya. Tesinskaya kul'tura* [*Funerary objects hunnu-syanbi time in the steppes of the Middle Yenisei. Tesinskaya culture*]. St.-Petersburg, St.-Petersburg State Univ., Aising Publ., 2011, 456 p. (in Russ.)

Kyzlasov L. R. *Tashtytskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoj kotloviny I v. do n. e. – V v. n. e.* [*Tashtyk era in the history Khakass-Minusinsk depression (I BC – V AD)*]. Moscow, Moscow State Univ. Publ., 1960, 198 p. (in Russ.)

Mamadakov Yu. T. *Novye materialy gunno-sarmatskogo vremeni v Gornom Altae* [*New materials Hun-Sarmatian time in the Altai Mountains*]. *Altai v epokhu kamnya i rannego metalla* [*Altai in the era of rock and early metal*]. Barnaul, 1985, p. 173–191. (in Russ.)

Minyaev S. S. *Dyrestuiskii mogil'nik* [*Dyrestuysky mound burial*]. St.-Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 1998, 118 p. (in Russ.)

Nikolaev N. N. *Kul'tura naseleniya Tuvy pervoi poloviny I-go tysyacheletiya n. e. Avtoref. diss. kand. ist. nauk* [*The culture of the population of Tuva, of the first half of the 1st millennium AD. Cand. histor. sci. syn. diss.*]. St.-Petersburg, 2001, 26 p. (in Russ.)

Pshenitsyna M. N. *Tesinskii etap* [*Tesinsky stage*]. *Stepnaya polosa Aziatskoi chasti SSSR v Skifo-Sarmatskoe vremya* [*Asian steppe zone of the USSR in the Scythian-Sarmatian time*]. Moscow, Nauka, 1992, p. 224–235. (in Russ.)

Pshenitsyna M. N. *Tretii tip pamyatnikov tesinskogo etapa* [*The third type of monuments Tesinsky stage*]. *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri* [*Prehistoric Archaeology of the Siberia*]. Leningrad, Nauka, 1975, p. 150–162. (in Russ.)

Savinov D. G. *Minusinskaya provintsiya khunnu* [*Minusinsk province hunnu*]. St.-Petersburg, Elexis Publ., 2009, 226 p. (in Russ.)

Savinov D. G. *Nekotorye aspekty rekonstruktsii materialov mogil'nika Kokel'* [*Some aspects of reconstruction materials burial ground Kokel'*]. *Vtorye istoricheskie chteniya pamyati M. P. Gryaznova. Tezisy konferentsii* [*The second reading of the historical memory of M. P. Gryaznov. Theses of conference*]. Omsk, 1992, iss. 2, p. 107–109. (in Russ.)

Soenov V. I., Ebel' A. V. *Kurgany gunno-sarmatskoi epokhi na Verkhnei Katuni* [*Mounds of the Hun-Sarmatian era on the Upper Katun*]. Gorno-Altaysk, 1992, 117 p. (in Russ.)

Sorokin S. S. *Bol'shoi Berel'skii kurgan (polnoe izdanie materialov raskopok 1865 i 1956 gg.)*. [*Big Berel mound (complete edition of the material excavation in 1865 and 1956)*]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Kul'tura i iskusstvo narodov Vostoka. Tom 10* [*Culture and art of the peoples of the East. Vol. 10*]. St.-Petersburg, Soviet Artist Publ., 1969, p. (in Russ.)

Surazakov A. S. *Raskopki v doline Airydash* [*Excavations in the valley Airydash*]. *Arkheologicheskie issledovaniya na Katuni* [*Archaeological research on the Katun River. Collection of scientific papers*]. Novosibirsk, Nauka, 1990, p. 197–200. (in Russ.)

Teterin Yu. V. *Mogil'nik Dyalyan – novyi pamyatnik predtyurkskogo vremeni Gornogo Altaya* [*Burial Dyalyan – a new monument pre-Turk time Mountain Altai*]. *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Yuzhnoi Sibiri* [*Problems of chronology and periodization of archaeological monuments of Southern Siberia*]. Barnaul, 1991, p. 155–157. (in Russ.)

Vadetskaya E. B. *Tashtytskaya epokha v drevnei istorii Sibiri* [*Tashtyk era in the ancient history of Siberia*]. St.-Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1999, 440 p. (in Russ.)

Vainshtein S. I., D'yakonova V. P. *Pamyatniki v mogil'nike Kokel' kontsa I tys. do n. e. – pervykh vekov n. e.* [*The monuments in the cemetery Kokel' end I millennium BC. – first centuries AD*]. *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii. Tom II* [*Proceedings of the Tuva complex archaeological and ethnographic expedition, Vol. II*]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1966, p. 185–291. (in Russ.)